

* * *

1. Babicheva Yu. Komediya-parodiya M. Bulgakova «Bagrovyiy ostrov» // Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse. Vologda : VGPI, 1985.
2. Bahtin M.M. Tvorchestvo F. Rable i narodnaya kultura Srednevekovya. M. : Hudozh. lit., 1990.
3. Bogatyirev P.G. Voprosy teorii narodnogo iskusstva. M. : Iskusstvo, 1971.
4. Bulgakov M.A. Pesyi 1920-h godov. L. : Iskusstvo, 1989.
5. Bulgakov M. Sobranie sochineniy: v 10 t. M. : Golos, 1997. T. 5.
6. Dzhivelegov A.K. Italyanskaya narodnaya komediya. Commedia dell'arte. M. : Izd-vo AN SSSR, 1962.
7. Kiselev N.N. Komedii M. Bulgakova «Zoykina kvartira» i «Bagrovyiy ostrov» // Tom. gos. un-t im. V.V. Kuybysheva. Trudyi. T. 252: Problemyi metoda i zhanra. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1974. Vyip. II.
8. Krasnaya gazeta. Vech. vyip. 1928. 16 dek.
9. Kupchenko T.A. Uslovnaya drama 1920–50-h godov: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.
10. Narodniy teatr / sost. A.F. Nekryilova, N.I. Savushkina. M. : Sov. Rossiya, 1991.
11. Nusinov I.M. Put M.A. Bulgakova // Pechat i revolyutsiya. 1929. №4.
12. Repertuarniy byulleten. 1928. № 12.
13. Savushkina N.I. Russkaya narodnaya drama: hudozhestvennoe svoeobrazie. M. : Izd-vo MGU, 1988.
14. Severnyie narodniye dramy : sb. N.E. Onuchkova. SPb. : tip. A.S. Suvorina, 1911.
15. Sleptsov V.A. Balaganyi na Svyatoy // Narodniy teatr / sost. A.F. Nekryilova, N.I. Savushkina. M. : Sov. Rossiya, 1991.
16. Chupasov V.B. Teksty i tekstah i realnosti v realnostyah (k probleme «stseny na stsene») // Drama i teatr. 2001. Vyip. 2.

Poetics of folk theatre in the play by M. Bulgakov “The Purple Island”

At the level of compositions, peculiarities of artistic space and time, system of personages, as well as language peculiarities there is considered the influence of poetics of the folk theatre in the play by M. Bulgakov “The Purple Island”, poetics of folk theatre, influence of folklore.

Key words: Bulgakov, “The Purple Island”.

(Статья поступила в редакцию 13.12.2013)

Л.С. ШКУРАТ
(Липецк)

ЛЮБОВНО-СЕМЕЙНЫЕ КОЛЛИЗИИ В РОМАНЕ Ю.В. БОНДАРЕВА «БЕРЕГ»

Анализируются не нашедшие до настоящего времени осмысления в литературоведческих работах любовно-семейные коллизии в романе Ю.В. Бондарева «Берег». Проясняется авторская концепция любви и семьи, раскрываются духовный смысл противостояния женских характеров и его роль в нравственном самоопределении главного героя произведения.

Ключевые слова: любовь, семейные ценности, духовное противостояние, эгоизм, жертвенность, сострадание.

Роману Ю.В. Бондарева «Берег» посвящено большое количество исследований. Анализируя произведение, авторы монографий, диссертаций, статей сосредоточивают свое внимание в первую очередь на его проблематике, образной символике, духовно-нравственных исканиях главных героев. Однако представление о «Береге» не будет целостным, если не обратиться к рассмотрению изображенных в нем любовно-семейных коллизий.

С жизнью главного героя произведения Вадима Никитина тесно переплетены две женские судьбы: немки Эммы Герберт и его жены Лиды. С Эммой у Никитина связаны самые светлые воспоминания о молодости, о первой любви. Их знакомство произошло в последние дни войны в немецком городке Кенигсдорф. Впервые столкнувшись с русскими солдатами, Эмма пережила целую гамму чувств: это и страх за свою жизнь и жизнь брата, и робость, и порыв благодарности, переросший в любовь к русскому лейтенанту Вадиму Никитину, спасшему ее от насилия. Эмма искренна в своих чувствах, в ее словах и поступках нет фальши, нет ни малейшего притворства.

Героям удастся провести вместе лишь несколько дней, обстоятельства разведут их пути на десятки лет, но любовь Эммы к русскому лейтенанту останется такой же сильной и чистой, какой она была в мае 1945 г. Весь смысл ее жизни был в ожидании, в надежде встречи с любимым. Героиня всю жизнь помнила произошедшую с ней «чудесную и короткую сказку»: и когда выходила замуж, и когда у нее ро-

дилась дочь, и даже когда ездила в любимый ею Рим, где почему-то мечтала неожиданно встретить своего «мальчика-рыцаря».

Новая встреча героев, неожиданная для Никитина и такая желанная для Эммы, происходит спустя более чем четверть века после их разлуки. Эмма очень изменилась внешне, только глаза остались прежние – «теплые, как летняя озерная синева» [1, с. 358]. Описание ее наружности сочетается с тонким психологическим анализом. Все движения, жесты, интонации героини являются знаками того, что происходит в ее душе. Вспомним, как Эмма нервничает, волнуется при первой встрече с Никитиным, как «виновато», «мягко светящимися глазами» смотрит на него, молчит «в робком замешательстве», не желая показаться слишком навязчивой.

Находясь в Гамбурге, Эмма и Вадим постоянно ощущают связь друг с другом, как будто их души соединены невидимыми нитями. Даже в кабачке «Веселая сова», где джаз «отбивал апокалипсические ритмы» и все происходящее вокруг напоминало вакханалию, не прерывается разговор их сердец. Здесь между героями происходит великолепный «диалог глазами»:

«Вы, вероятно, хотели со мной поговорить, – сказали ее глаза. – Но почему вас что-то сдерживает? Разве так важно то, что вас сдерживает? Вы должны поверить мне – я с вами искренна, я вас не обманываю. Я помню, как все было. И я не жалею о том, что было. Вы понимаете меня?»

«Да, я хотел бы поговорить, – ответил он, глазами осторожно прикасаясь к теплему и лучистому свету в ее зрачках. – Я тоже помню, хоть это немыслимо и кажется, что все было в другой жизни. Милый мой солдат Ушатиков стоял за дверью, а мы в последний раз при огоньке свечи писали на листке русские и немецкие слова, в которых были отчаяние, страх и такая юная неожиданная влюбленность, какая могла быть лишь тогда».

«Да, я помню, помню, – согласно говорили ее глаза. – И мне хорошо смотреть на вас и на эти свечи и вспоминать то, что можете вспоминать и вы...» [1, с. 341].

Эмма и Вадим не произносят вслух ни одного слова. Они понимают друг друга без слов и без слов вспоминают о том самом сокровенном, что было в их жизни двадцать шесть лет назад. Следует заметить, что у героев нет и намека на возможную физическую близость. Они целомудренны не только в словах, движениях, но и в мыслях.

В маленьком тихом ресторанчике «Навона», названном так по наименованию части

«вечного» города Рима, на этом островке тишины и душевного успокоения, который Бондарев по праву именуется «домашним ковчегом», герои поделаются друг с другом горестями и радостями прожитой жизни. Трудно поверить, что всего в нескольких кварталах отсюда – Реепербан с его интимбарами и публичными домами... «Вы мужественная женщина», – скажет Никитин, на что Эмма ответит: «Я? Мужественная? Какая ошибка!.. Я одинока, господин Никитин» [1, с. 368]. Эмма одинока в мире, где «слишком много думают о новых моделях “мерседеса”, о холодильниках и уютных загородных домиках», где «прагматизм подчиняет все», где «уже нет ни высокой духовной жизни, ни духовной веры» [Там же, с. 314]. Она одинока в западном обществе потребления, которое рождает философию отчуждения от всего, что заставляет задуматься о главном: жизни и смерти, любви и сострадании, о Боге и вечности. Тоску Эммы по истинным ценностям не могут заменить ни материальное изобилие, ни внешняя обустроенность и видимое благополучие. Образ Эммы Герберт, ее любовь к Никитину призваны выразить тягу блестящей, но холодной западноевропейской цивилизации к русской душе, ее большой совести, жертвенности.

Важное место в жизни Никитина занимает еще одна женщина – жена Лида. О ней говорится в романе всего в нескольких эпизодах, но образ Лиды является вовсе не эпизодическим, а одним из ключевых в концепции произведения. И Эмма, и Лида не мыслят своей жизни без Вадима, но Бондарев далек от того, чтобы свести отношения героев к «любовному треугольнику». Между Эммой и Лидой нет борьбы за право на любовь Никитина, да и у самого героя никогда не возникает мыслей о возможной измене жене. Противопоставление женских характеров в романе «Берег» более глубокое, оно лежит в совершенно иной плоскости.

Позиции бондаревских героинь обусловлены жизнью в различных мирах, у них разные ценностные установки. Конечно, Эмму трудно назвать типичной представительницей западноевропейской цивилизации (сама героиня признается Никитину, что чувствует себя безмерно одинокой в прагматичном мире Запада), но она воспитана в этом мире, ценности которого чужды исконно русским традициям и духовным устоям. Главное в жизни Эммы – это мечты о личном счастье рядом с любимым человеком. Прощаясь в аэропорту, герои чувствуют, что это расставание навсегда, и Никитин увидит глаза Эммы, «разъятые до прони-

зывающей синевы, будто подставленные ужасу» [1, с. 372], услышит ее переворачивающий душу вскрик, наполненный болью и страданием. Герой воспринимает ее боль и одиночество как свою личную вину, и желание Никитина взять на себя боль Эммы оборачивается для него потерей жизни.

Главное для Лиды – здоровье и счастье любимого. Суть отношений Лиды и Никитина можно определить словами философа И.А. Ильина, который писал о любви как процессе «реального духовного отождествления любящего с любимым», в результате которого возникает «та неразрывная сращенность, то реальное целое, которое слагается из различного и ведет к живому творческому богатству» [2, с. 23]. Супружеские отношения Лиды и Никитина основаны на жертвенной любви и духовном единении. Между героями сильна именно духовная связь, та «жгучая родственность, соединенное понимание, выше которых ничего не могло быть» [1, с. 388].

На долю Вадима и Лиды выпало самое тяжелое для родителей испытание – гибель ребенка. Смерть сына еще больше сблизила героев. Супруги переживают потерю сына вместе, беспокоятся друг о друге. После смерти сына Никитин вспомнит фразу одного знакомого художника о том, что, умирая, люди не исчезают, а двигаются в другом измерении, по иной синусоиде времени. Герой постоянно думает о том, что их беспомощный ребенок ушел в темноту, в вечный холод, и эти мысли угнетают его. Никитиным овладевают два чувства: отчаяние и ощущение несправедливости произошедшего.

В отличие от мужа, Лида в состоянии духовного кризиса делает правильный шаг – подавленная испытанием, она пойдет в маленькую деревенскую церковь, как в последнюю обитель, чтобы поставить свечку за упокой души ребенка. Героиня чувствует, что это надо сделать, что это нужно их сыну и им самим. Эпизод посещения церкви становится кульминационным моментом в духовной эволюции персонажей, приводит их к новому осмыслению жизни и своего места в ней, к изменению точки отсчета в ценностной системе мира. Лида выходит из церкви внутренне преображенная, повторяет отрывки фраз священника, восхищаясь их красотой и глубиной. Она вытрет платочком пот слабости на висках мужа и, в порыве «родственного соучастия», пытаясь облегчить его страдания, скажет: «Ну,

отдай мне свою боль, мой родной, если можно, отдай...» [1, с. 392]. Лида переложит часть боли Вадима на свои плечи точно так же, как Никитин возьмет на себя боль Эммы. В страданиях наступает духовное просветление героини, которое распространяется и на ее супруга.

Таким образом, для обеих героинь, и для Эммы, и для Лиды, в любви заключается высший смысл их жизни, но они по-разному проявляют себя в любовных отношениях. Образ Эммы Герберт очень привлекателен. Заслуживает восхищения ее верность, преданность Никитину. Однако Эмма эгоистична в своей любви, ею движет прежде всего желание обрести личное счастье и обладать любимым человеком любой ценой. Подобная позиция не принимается Бондаревым. Писатель развивает в романе «Берег» традиционную для русской литературы тему любви-жалости, боли за человека и жертвенности. Образ Лиды – это образ русской женщины – хранительницы домашнего очага, матери, жены, – а ее любовь к Никитину – это любовь-сострадание, жертвенный подвиг самоотдачи, в котором со всей полнотой раскрывается целостность ее женской натуры.

Литература

1. Бондарев Ю.В. Берег. М., 1986.
 2. Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Христоролюбивое воинство (Православная традиция Русской Армии). М., 1997.
- * * *
1. Bondarev Yu.V. Bereg. M., 1986.
 2. Ilin I.A. Osnovnoe нравственное protivorechie voynyi // Hristolyubivoe voinstvo (Pravoslavnyaya traditsiya Russkoy Armii). M., 1997.

Love and family collisions in the novel by Y.V. Bondarev "The Shore"

There are analyzed the love and family collisions in the novel by Y.V. Bondarev "The Shore" which has not yet been comprehended in literary critics. There is described the author's conception of love and family, revealed the spiritual sense of confrontation of women's characters and its role in moral self-determination of the main character of the work.

Key words: *love, family values, spiritual confrontation, egoism, sacrifice, sympathy.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2013)

